

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ИНЕССИВНОЙ ФОРМЫ II ИНФИНИТИВА В ВЕПССКОМ ЯЗЫКЕ: ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ

Кошелева Мария Владимировна,

*старший преподаватель кафедры прибалтийско-финской филологии
ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет»
(г. Петрозаводск, РФ), koshelevamasha@bk.ru*

Введение. Особенностью прибалтийско-финских языков является богатая система инфинитивов и инфинитных конструкций. В статье анализируются синтаксические роли так называемой инессивной формы II инфинитива, которая по классификации, устоявшейся в прибалтийско-финском синтаксисе, считается адвербиальной конструкцией, характеризующей глагольное сказуемое.

Материалы и методы. Анализ проводится с применением сравнительного и описательного методов. В статье использован диалектный материал, а также материал развивающегося на протяжении 30 лет вепсского литературного языка, письменность которого возрождается с 1989 г.

Результаты исследования и их обсуждение. Семантически инессивная форма II инфинитива имеет две основные функции: темпоральную – обозначает одновременность действия, т. е. показывает на действие, которое происходит во временных рамках действия, выраженного основным финитным глаголом; финальную – отражает цель действия, выраженного основным глаголом. При этом последняя является исключительно вепсской.

Заключение. Современный вепсский синтаксис – это результат развития, сопровождавшегося утратой традиционных прибалтийско-финских признаков и приобретением некоторых выразительных особенностей, спровоцированных как собственно вепским развитием, так и русским языковым влиянием.

Ключевые слова: вепсский язык; синтаксис; инессив; инфинитивы; инфинитные конструкции.

Для цитирования: Кошелева М. В. Синтаксические функции инессивной формы II инфинитива в вепсском языке: динамика развития // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 3. С. 242–249.

Введение

Вепсский язык большую часть существования был языком бесписьменным. Синтаксисы бесписьменных и письменных языков отличаются друг от друга по многим позициям. Бесписьменный язык обладает совершенно иными категориями, его носители при говорении не пользуются длинными конструкциями, развернутыми речевыми оборотами, поэтому некоторые явления синтаксиса в нем начинают постепенно отмирать или не получают дальнейшего развития. Для бесписьменных языков в лучшем случае актуальны проблемы синтаксиса словосочетания. В статье анализируются синтаксические роли так называемой инессивной формы II инфинитива, которая по классификации, устоявшейся в прибалтийско-финском синтаксисе, считается адвербиальной кон-

струкцией, характеризующей глагольное сказуемое. Адвербиальная конструкция, образованная с помощью инессивной формы II инфинитива, выполняет две синтаксические функции: темпоральную и финальную.

Обзор литературы

Синтаксические функции формы II инфинитива в вепсском языке практически не получили внимания в научной литературе. Самая общая информация приводится в учебных пособиях по грамматике вепсского языка¹ и исследованиях по вепсскому глаголу Н. Г. Зайцевой [4]

¹ См.: Зайцева Н. Г. Грамматика вепсского языка (2. Словоизменительные и именные категории глагола; неизменяемые части речи): учеб. пособие. Петрозаводск, 2000.

и грамматике вепского языка М. И. Зайцевой [2], а также в работе финского исследователя Р. Грюнталя, которая в целом также подготовлена в формате учебника [8]. Несколько более расширенный анализ инфинитных конструкций, в том числе II инфинитива, который рассматривается как эквивалент придаточного временного, или темпорального, предложения с союзом *konz* ‘когда’, содержится в монографии М. И. Зайцевой “*Vepsän kielen lauseoppi*” [19]. Пожалуй, наиболее информативной до сих пор остается классическая работа Л. Кеттунена по вепскому синтаксису, описывающая, в частности, инфинитивы [13].

Среди трудов современных авторов, обращавшихся к частным вопросам синтаксических функций и семантики вепских инфинитивов в русле синхронного языкознания, заслуживают внимания работа J. Ylikoski “*Remarks on Veps purposive non-finites*” [18] и научные статьи Г. П. Ивановой о полипредикативных конструкциях с инфинитивами в вепском языке [5; 6]. Для анализа привлечены также некоторые теоретические наработки, сделанные на финском языковом материале [17].

Материалы и методы

В статье использован диалектный материал, записанный в полевых условиях, а также собранный из опубликованных образцов вепской речи [3; 12; 15; 16]. К исследованию привлечен также материал развивающегося на протяжении 30 лет вепского литературного языка, письменность которого начала возрождаться в 1989 г. В настоящее время у вепсов имеется значительная библиотека художественной литературы. В числе современных источников нужно отметить оригинальные художественные тексты вепских писателей прозаического и стихотворного характера (Н. Зайцева, О. Жукова, Н. Абрамов, А. Андреева и др.), обширную переводную литературу, и прежде всего переводы Библии (“*Uz’ Zavet*”, “*Lapsiden Biblii*”, “*Psalmoiden kirj*”

и др.), публицистические тексты газеты “*Kodima*” и альманаха “*Verez tullei*”, созданных в эпоху возрождения вепского языка. В целом материал дает возможность рассматривать становление категории в динамике, историческом развитии.

Результаты исследования и их обсуждение

Форма II инфинитива, будучи отглагольным образованием, несет в себе признаки именной и глагольной форм [7, 162]. Именная суть II инфинитива проявляется в возможности его склонения по падежам, подобно имени [10, 87]. II инфинитив в вепском языке существует в двух падежных формах и соответственно образуется с помощью двух падежных показателей: инессивная форма – с помощью показателя *-s*, форма эссива-инструктива – с помощью показателя *-n*, которые присоединяются к суффиксу II инфинитива *-del-te*: *panda* ‘класть’: *pan + de + s* → *pandes*, *pan + de + n* → *panden*; *tabata* ‘ловить’: *taba + te + s* → *tabates*, *taba + te + n* → *tabaten*. Синтаксические функции обеих форм эквивалентны соответствующим падежным функциям. При этом форма инессива II инфинитива указывает на одновременность действия двух глаголов, момент нахождения в процессе, а форма эссива-инструктива – на образ действия. В целом обе формы можно сравнить с деепричастием в русском языке, которое отвечает на вопрос *что делает?*

В вепском языке в отличие от финского обе падежные формы II инфинитива употребляются только в активе (*sanudes* ‘говоря’, *lugedes* ‘читая’, *mändes* ‘идя’, *pajatades* ‘напевая’, *painden* ‘нажав’, *ližaten* ‘добавив’), в то время как в финском употребительны и формы пассива (*sanottaessa* ‘говоря’, *luettaessa* ‘читая’ и т. д.).

В языке вепсов с помощью формы II инфинитива образуются адвербиальные конструкции, которые подчинены глагольному сказуемому в предложении, например: *Čajud jodes kundeltihe Alevtinan radiopaginoid* ‘Во время чаепития слушали радиопередачи Алевтины’².

² Kodima. 2009. № 4. С. 3.

Семантически предложения, в которых употреблена инессивная форма II инфинитива, являются темпоральными [11, 259]. В них инфинитивный глагол в форме инессива всегда указывает на действие, которое происходит во временных рамках действия, выраженного основным финитным глаголом. Другими словами, действие обоих глаголов – финитного и инфинитного – происходит одновременно [1, 406].

Несмотря на то что в предложении со II инфинитивом главным является другое глагольное сказуемое, у него также есть определенные синтаксические свойства. Эквивалентные с точки зрения синтаксиса конструкции с формой II инфинитива фиксируются в родственных вепсскому языкам, в частности финском и карельском. Но имеются и отличия. Так, по сравнению с финским языком в вепсском форма II инфинитива не имеет личных показателей и притяжательных суффиксов: *Hän segöl' vepsäks sanudes* (вепс.) и *Hän sekaantui vepsäksi sanoessaan* (фин., *-an* – притяжательный суффикс 3 л.) ‘Он запутался, говоря по-вепски’; *Lapsid' vihtutödes pajatan* (вепс.) и *Lapsia viihdytellessäni laulan* (фин., *-ni* – притяжательный суффикс 1 л. ед. ч.) ‘Я пою, когда успокаиваю детей’ [13, 201]. Притяжательные суффиксы отсутствуют также в ливвиковском наречии карельского языка, ср.: *Hän segavui paistes vepsäkse, Minä pajatan lapsii alevutelles*.

Отметим, однако, что в образцах вепсской речи сохраняются следы притяжательного суффикса в форме II инфинитива. Чаще всего они встречаются в народной поэзии, например: *Kulišt, kulišt sötä mamkō suren rudon lüpsesañze... pöühäžen kütksesañze* (вепс.) ‘Слушала, слушала, дорогая мама, пока большую корову доила... лен полола’. В данных примерах *lүpsesañze* и *kütksesañze* – формы II инфинитива, где *-s* – показатель инессива, *-nze* – притяжательный суффикс 3 л. Л. Кеттунен полагает, что притяжательный суффикс в приведенных вепсских примерах – это рудимент, оставшийся от более древнего языкового состояния и, возможно,

общего прибалтийско-финского фольклорного наследия [13, 212].

Если в инфинитивной конструкции есть субъект или агент, выполняющий действие, выраженное II инфинитивом, то он выступает в роли подлежащего, которое представлено существительным в номинативе, например: *Gesli vencialo mändes kukištub ženih oiktau g'augau, ka erigandob akaspäi* ‘Если, идя к венцу, жених спотыкается, то разведется с женой’ [3, 276], где *ženih* – субъект (существительное в номинативе), *kukištub* – предикат или сказуемое (финитный глагол в личной форме). Инфинитивная конструкция в данном предложении является обстоятельством времени, отвечая на вопрос *когда?* (*при каких обстоятельствах?*).

Помимо полных предложений, в которых есть субъект или подлежащее, инессивная форма II инфинитива выступает и в безличных предложениях. В таких предложениях субъект как член предложения отсутствует, а главный член предложения выражен личным глаголом, употребленным в значении безличного. Этот глагол обычно используется в форме 3 л. ед. ч. Объект, на который направлено действие формы II инфинитива в подобном предложении, находится в падеже объекта [10, § 547]. В диалектной речи таковым является генитив с показателем *-n* в единственном числе и *-den* во множественном, вне зависимости от синтаксической функции формы II инфинитива: *Voin (Gen.) pekstes tegese pehtimeid* [13, 212] ‘Когда масло взбиваешь (= при взбивании масла), образуется пахта’; *Heng lähtob bolan (Gen.) södes* [13, 212] ‘Дух захватывает, когда бруснику ешь (= поедая бруснику)’.

Стоит обратить внимание на то, что в современных текстах, представленных в вепскоязычных периодических изданиях (газета “Kodima”, альманах “Verez Tullei”), а также в переводе священных текстов объект, на который направлено действие глагола в форме II инфинитива, нередко употреблен в падежной форме партитива с окончанием *-d*: *Lugedes kirjjad (Part.) voib i ičeze ombelta rahva-*

haline sädo ‘Читая книгу, можно и себе сшить национальный костюм’³; *Konz tul lin sinun kodihe, sinä ed andand vet jaugoid* (Part.) *pestes* ‘Когда я пришел домой, ты не дал мне воды, чтобы помыть ноги’⁴.

Данная ситуация объясняется влиянием на авторов текстов соответствующей финской модели, поскольку в процессе университетской подготовки вепский и финский языки, как правило, изучаются параллельно.

В конструкциях подобного типа объект финитного глагола может одновременно быть выражением агента действия инфинитного глагола. В этом случае в вепском языке возникает ситуация, которая может привести к непониманию текста или высказывания, что связано с нерегулярностью или полным отсутствием употребления притяжательных суффиксов. Так, вепское предложение *Nägiin mužikan vinnan jodes* [8, 153] может обладать двойным смыслом: 1) ‘Я видел мужчину, когда пил вино’; 2) ‘Я видел мужчину, который пил вино’. В соответствующем финском предложении *Näin miehen vinoa juodessani* ‘Я видел мужчину, когда пил вино’ притяжательный суффикс 1 л. ед. ч. *-ni* четко указывает на субъект действия, и двусмысленность в семантике предложения исключается.

Инессивная форма II инфинитива в вепском языке имеет две основные функции:

1) обозначение одновременности действия, т. е. выполняет адвербиальную синтаксическую роль и эквивалентна придаточному предложению с союзом *konz* ‘когда’: *Södes ala pagiže*, ср. *Konz söd, ala pagiže* ‘Во время еды (= когда ешь) не разговаривай’; *Ajades telegan huba kohteta* ‘Во время езды телегу трудно чинить’ [12, 119]; *Nagrdes hän ištuti mindai ühtele kombule* ‘Смеясь, он посадил меня на одно колено’⁵; *Minein lähttes kaks’ haugišt putuiki* букв. ‘Мне уходя (= перед уходом) две щучки попались’ [2, 108]; 2) обозначение причины или цели действия, выражаемых основным глаго-

лом. Инфинитная конструкция (или заместитель предложения), в составе которой используется в этом случае инессивная форма II инфинитива, отвечает на вопрос *mikš?* ‘к чему? / для чего?’: *Silaš kel’ om sanudes* ‘У тебя язык, чтобы говорить’; *A sured kas’ked rugehen semetes, rugehele puuttas* ‘А большие подсеки, чтобы сеять рожь, под рожь жгут’ [3, 67]. Здесь отсутствует (но подразумевается и присутствует синтаксически) сказуемое, выражаемое глаголом-связкой *om* ‘есть’; *Tegiba merdaižed kalan sades* ‘Делали мерды, чтобы рыбу ловить’ [3, 216]; *Ombel mili kotaižed hirel hebol huzaites, da meren taga kävudes* ‘Сплела мне обувь, чтобы на лошади ехать, да за море уйти’ [16, 16].

Следует отметить, что финальная функция у инессивной формы II инфинитива является исключительно вепской и не встречается в других родственных языках. По мнению А. Пенттиля [14, 153], финальная функция развилась из темпоральной (временной). Иначе говоря, примарная темпоральная семантика инессивной формы II инфинитива в некоторых контекстах развивалась в направлении финальной. Это подтверждают следующие примеры, в которых присутствуют обе семантические функции и соответственно допускается два варианта понимания смысла предложения: *Otab reguden veden vedades* [13, 212] ‘Берет сани, когда воду носит’ или ‘Берет сани, чтобы воду носить’. Оба варианта перевода принципиально не отличаются друг от друга по значению, в обоих сани являются объектом для того, чтобы носить воду; *Veitš tarbiš kalan tehtes* ‘Нож нужен, когда рыбу чистят’ или ‘Нож нужен, чтобы рыбу чистить’; *Humbar’ om sobad pestes* [13, 213] ‘Ступа нужна, когда стирают одежду’ или ‘чтобы стирать одежду’.

Языковой материал свидетельствует о том, что финальная семантика инессивной конструкции в вепском языке довольно продуктивна. Она широко представлена в фольклорных текстах, что говорит о ее традиционности. В качестве

³ Kodima. 2010. № 1. С. 4.

⁴ Uz’ Zavet. 2006. С. 151–152.

⁵ Verez tullei. 2018. С. 13.

примера можно привести фрагменты ку- мулятивных сказок, тексты которых бук- вально пронизаны данными формами:

Kuna teile nece olut? ‘Зачем вам это пиво?’
Poigan naittes, mindän sades ‘Чтобы сына
женить и невестку получить’.
Kuna teile mind? ‘Зачем вам невестка?’
Lapsuziden tehtes ‘Чтобы детей рожать.’
Kuna teile lapsuded? ‘Зачем вам дети?’
Iče vanhtuma, ka meiden söttes ‘Чтобы нас
кормить, когда состаримся’ [3, 205].

Примеры подобного типа свидетель- ствуют о том, что объект в конструкции с инфинитивом используется в форме ге- нитива (-*n*). Отметим, что данная форма объекта характерна не только для финаль- ной конструкции, выраженной формой инессива II инфинитива, но и для времен- ной, речь о которой шла выше. Р. Грюн- таль объясняет генитивную форму огра- ниченностью времени действия [8, 153]. Если же вместо формы II инфинитива ис- пользуется форма I инфинитива, то в качестве падежа объекта выступает пар- титив: *Mikš tariž vikateh?* ‘Зачем нужна коса?’ – *Heinäizen* (Gen.) *nittes* ‘Траву ко- сить’ и *Miše nitta heinääd* (Part.) ‘Чтобы ко- сить траву’.

Однако примеры не содержат явно- го указания на ограниченность времени действия. Видимо, показатель объекта -*n* имеет здесь иную природу. В финском языке есть так называемая причастная конструкция, которую можно сопоста- вить с временной конструкцией, выра- женной инессивной формой II инфини- тива, в вепском: *Hän heregan’, kulišť heiden bastes* ‘Он проснулся и услышал, что они разговаривают’ (вепс.) [15, 97], *Hän heräsi, kuuli heidän puhuvan* (фин.), где первое активное причастие выражает действие, которое происходит в одно и то же время с действием основного финит- ного глагола, а объект при этом выступа- ет в форме генитива. Возможно, природа генитивного показателя в конструкци- ях со II инфинитивом имеет в вепском языке прибалтийско-финские корни. Ина- че говоря, не исключено, что в вепском языке генитив – это рудимент историче- ской вепской конструкции, аналогичной финской, т. е. и в вепском в прошлом для

выражения одновременного действия ис- пользовалась конструкция с первым ак- тивным причастием, при котором объект имел форму генитива.

В то же время вепской инфинитной конструкции с финальной функцией экви- валентна финская форма так называемо- го -*minen*-инфинитива: *Nece puzu ani čoma suusniden pandes* (вепс.) и *Tämä vakka on hyvin hyvä sultsinoiden panemiseen* (фин.) ‘Эта корзина очень хороша (для того), чтобы класть в нее сканцы’ [13, 494]. Ско- рее всего выбор генитива в качестве па- дежа объекта в данной конструкции вы- зван именно аналогией с идентичной по синтаксической функции конструкци- ей в финском языке, где объект с -*minen*-инфинитивом выступает также в форме генитива. Исходя из этого, можно сделать вывод, что и в инфинитной конструкции с временной (темпоральной) функцией объект в разговорных текстах также был представлен в форме генитива.

В образцах вепской речи встречаются также примеры, в которых агент или субъект, выполняющий действие, выра- женное инессивной формой II инфини- тива, выступает в форме адессива: *Kulin kurgoil* (Ades.) *kukurtes, pajulindū* (Ades.) *pačurtes, vilulindū* (Ades.) *vičurtes* ‘Слы- шал журавля крик, пеночки щебетанье, снегиря воркованье’ [3, 207] ‘букв.: у жу- равля..., у пеночки..., у снегиря’.

Анализ источников убеждает в том, что в диалектной речи адессивная фор- ма агента редка. Чаще всего субъект вы- ражается подлежащим в форме номина- тива. Агентных конструкций в вепском языке немного.

В литературном вепском языке, ко- торый используется, например, в СМИ, придаточная конструкция с инессивной формой II инфинитива активно использу- ется. Она выступает в качестве эквивален- та русской деепричастной конструкции, которая отвечает на вопрос *midä tehtes?* ‘что делаю?’. Впрочем, в некоторых пред- ложениях форма II инфинитива инесси- ва скорее отвечает на вопрос *как?* Иными словами, здесь следовало бы указать на образ действия и использовать инструк- тивную форму: *Ei ole muga äi materialoid,*

kälvutades miččid voiži tehta Kalevalaha pojavad eposad ‘Нет такого количества материалов, используя которые можно было бы создать эпос, похожий на «Калевалу»»⁶; *Nikolai kiti päimest rados, jonoštades, miše neciš aigas region sabusti hüvid satusid* ‘Николай поблагодарил директора за работу, подчеркнув, что за это время регион добился хороших результатов»⁷; *Iče Nina Grigorjevna starinoiči, miše kactes Kalevala-eposaha hän amu jo tahtoi tehta miččen-se vepsläižen eposan* ‘Сама Нина Григорьевна рассказала, что, глядя на эпос «Калевала», она давно уже хотела создать вепсский эпос»⁸; *Nagrdes hän ištuti mindai ühtele kombule* ‘Смесь, он посадил меня на одно колено»⁹.

Полагаем, что в этом случае данная придаточная конструкция является калькой русских предложений, ср.: *Он наслаждался утром, вдыхая холодный воздух*. В диалектных же текстах данная конструкция как нехарактерная для разговорной речи используется исключительно редко.

Заключение

Подводя итог, стоит еще раз подчеркнуть, что семантически инессивная форма II инфинитива имеет две основные функции: темпоральную – служит для обозначения одновременности действия, т. е. показывает на действие, которое происходит во временных рамках действия, выраженного основным финитным глаголом, и эквивалентна придаточному

предложению с союзом *konz* ‘когда’; финальную – отражает цель действия, выраженного основным глаголом, отвечает на вопрос *mikš?* ‘к чему? / для чего?’ и довольно продуктивна в фольклорных текстах.

Финальная функция инессивной формы II инфинитива является чисто вепсской и, по мнению исследователей, развилась из темпоральной, так как в некоторых контекстах параллельно с темпоральной выступает финальная семантика.

Проведенный анализ убедительно свидетельствует о том, что современный вепсский синтаксис – это результат развития, сопровождавшегося утратой традиционных прибалтийско-финских признаков и приобретением некоторых выразительных особенностей, спровоцированных русским языковым влиянием. Последнее ярко демонстрирует язык современных вепскоязычных СМИ, в которых придаточная конструкция с инессивной формой II инфинитива эквивалентна русской деепричастной конструкции. С другой стороны, просматривается влияние на вепсский синтаксис финского языка, на что указывает, например, выбор падежа объекта в адвербиальных конструкциях.

В целом такие языковые изменения являются логичными, и остается только наблюдать за их дальнейшим развитием.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>veps.</i> –	вепсский
<i>fin.</i> –	финский
<i>Ades.</i> –	Adessiv
<i>Gen.</i> –	Genetiv
<i>Part.</i> –	Partitiv

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дубровина З. М. Избранные труды. Санкт-Петербург: С.-Петерб. гос. ун-т, 2016. 504 с.
2. Зайцева М. И. Грамматика вепсского языка. (Фонетика и морфология). Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. 361 с.
3. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Образцы вепсской речи. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. 295 с.
4. Зайцева Н. Г. Вепсский глагол: сравнительно-сопоставительное исследование. Петрозаводск: Периодика, 2001. 288 с.
5. Иванова Г. П. Полипредикативные конструкции с инфинитивами в форме инессива в вепсском языке (в сравнении с финским языком) // Сибирский филологический журнал. 2013. № 3. С. 205–220.

6. Иванова Г. П. Средства выражения причинно-следственных отношений в вепском языке // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 4. С. 71–76.
7. Alho I., Kauppinen A. Käyttökielioppi. Helsinki: SKS, 2009. 239 s.
8. Grünthal R. Vepsän kielioppi. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2015. 350 s.
9. Hakulinen A., Vilkuna M., Korhonen R., Koivisto V., Heinonen T. R., Alho I. Iso suomen kielioppi. Verkkoversio. Helsinki, 2008. URL: <http://scripta.kotus.fi/visk/etusivu.php> (дата обращения: 15.05.2020).
10. Hakulinen L., Karlsson F. Nykysuomen kielen lauseoppia. Helsinki: SKS, 1995. 426 s.
11. Herlin I., Visapää L. Suomen infiniittisten rakenteiden dynamiikka. Helsinki: SKS, 2005. 358 s.
12. Kettunen L. Näytteitä etelävepsästä. Helsinki: SKS, 1926. 146 s.
13. Kettunen L. Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus. Helsinki: SKS, 1943. 576 s.
14. Penttilä A. Suomenheimoiset sotavangit kielenoppina // Virittäjä. 1942. № 46. S. 148–160.
15. Setälä E., Kala J. Näytteitä ääni- ja keskivepsän murteista. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1951. 483 s.
16. Sovijärvi A., Peltola R. Äänisvepsän näytteitä. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1982. 171 s.
17. Vilkuna M. Suomen lauseopin perusteet. Helsinki: Edita, 2003. 348 s.
18. Ylikoski J. Remarks on Veps purposive non-finites // Journal de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki, 2004. P. 231–276.
19. Zaitseva M. Vepsän kielen lauseoppia. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2001. 150 s.

Поступила 05.06.2020, опубликована 26.10.2020

SYNTACTIC FUNCTIONS OF THE INESSIVE OF II INFINITIVE IN THE VEPS LANGUAGE: DYNAMICS OF DEVELOPMENT

Maria V. Kosheleva,

Senior lecturer, Department of Baltic-Finnish languages,
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia), koshelevamasha@bk.ru

Introduction. The feature of the Baltic-Finnish languages is a system of infinitives and infinitive constructions. The article analyzes the syntactic roles of the inessive of the II infinitive, which according to the Baltic-Finnish syntax classification is considered an adverbial construction that characterizes the verb predicate.

Materials and Methods. The analysis is performed using comparative and descriptive methods. The article uses the language dialect material and material of the Veps literary language that has been developing for 30 years, and which writing began to revive in 1989.

Results and Discussion. Semantically the inessive of II infinitive has two main functions: temporal and final. The first one indicates an action that occurs at the same time with the action represented by the main finite verb. The second function indicates the purpose of the action represented by the main verb. At the same time, the final function is purely Vepsian.

Conclusion. Modern Vepsian syntax is the result of development that was caused by the loss of traditional Baltic-Finnish features and taking of some significant features because of the influence of the Russian language.

Key words: the Veps language; syntax; inessive; infinitives; infinitive constructions.

For citation: Kosheleva MV. Syntactic functions of the inessive of II infinitive in the Veps language: dynamics of development. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020; 12; 3: 242–249. (In Russian)

REFERENCES

- Dubrovina ZM. Selected works. Sankt-Peterburg; 2016. (In Russian)
- Zaitseva MI. Veps grammar (Phonetic and morphology]. Leningrad; 1981. (In Russian)
- Zaitseva MI, Mullonen MI. The samples of Veps speech. Leningrad; 1969. (In Russian)
- Zaitseva NG. The Veps verb: Comparative study. Petrozavodsk; 2001. (In Russian)
- Ivanova GP. Polypredicative constructions with inessive infinitives in Veps (compared to Finnish). *Sibirskii filologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Philology*. 2013; 3: 205–220. (In Russian)
- Ivanova GP. Means of expression of causal relationships in Veps. *Gumanitarnye nauki v Sibiri = Humanitarian sciences in Siberia*. 2008; 4: 71–76. (In Russian)
- Alho I, Kauppinen A. Käyttökielioppi. Helsinki; 2009. (In Finnish)
- Grünthal R. Vepsän kielioppi. Helsinki; 2015. (In Finnish)
- Hakulinen L, Karlsson F. Nykysuomen kielen lauseoppia. Helsinki; 1995. (In Finnish)
- Hakulinen A, Vilkuna M, Korhonen R, Koivisto V, Heinonen TR, Alho I. Iso suomen kielioppi. *Verkkoversio*. Helsinki; 2008. Available from: <http://scripta.kotus.fi/visk/etusivu.php> (accessed 15.05.2020) (In Finnish)
- Herlin I, Visapää L. Suomen infiniittisten rakenteiden dynamiikka. Helsinki; 2005. (In Finnish)
- Kettunen L. Näytteitä etelävepsästä. Helsinki; 1926. (In Finnish)
- Kettunen L. Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus. Helsinki; 1943. (In Finnish)
- Penttilä A. Suomenheimoiset sotavangit kielenoppina. *Virttäjä*. 1942; 46: 148–160. (In Finnish)
- Setälä E, Kala J. Näytteitä äänis- ja keskivepsän murteista. Helsinki; 1951. (In Finnish)
- Sovijärvi A, Peltola R. Äänisvepsän näytteitä. Helsinki; 1982. (In Finnish)
- Vilkuna M. Suomen lauseopin perusteet. Helsinki; 2003. (In Finnish)
- Ylikoski J. Remarks on Veps purposive non-finites. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 2004; 90: 231–276. (In English)
- Zaitseva M. Vepsän kielen lauseoppia. Helsinki; 2001. (In Finnish)

Submitted 05.06.2020, published 26.10.2020